

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ: СИТУАЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ"

Юрий Казаков,
Правозащитный фонд
"Комиссия по свободе доступа к информации"

"Штормовое предупреждение" – всем нам?

Не получив или не передав далее гражданам "штормовое предупреждение" в ночь на 21 июня 1998 г. московская власть совершила страшную по цене ошибку (должностное преступление?). Окажется ли она роковой?

В приличной, социально устоявшейся демократической стране (в это хочется верить, хотя, как показывает опыт, никакие страны не стоит чрезмерно идеализировать, превращать в миф) после такого "прокола" власть, во-первых, начала бы с публичного поиска и наказания виноватого, с публичного самоочищения от "шляп", недостаточно профессиональных управленцев. Но самое главное: трагическая ошибка была бы радикально освоена системой управления как недопустимый для повторения опыт, как "технологическая", системная ошибка, которая не должна повториться. И в числе важнейших задач власть решала бы именно задачу информирования граждан о логике своего подхода, своих шагов, обо всей цепочке своих решений и действий на данном направлении.

В России – не так. Даже весьма продвинутая в информационном отношении московская власть фактически не вышла на систему информирования о "разборе полетов", о серьезных решениях, не вышла в режим "психологической совместимости" с гражданами.

Причина? Очевидно, что власть и не умеет, и не хочет этого делать: ей это не нужно. Может быть, потому, что не сильно нужно и нам? Иная ментальность субъектов, проявляющаяся, в том числе, в стиле взаимоотношений? Власть не видит в гражданах ни кормильцев, ни партнеров. Граждане готовы и дальше верить, что власть сделает все, как должно (или "как всегда"), без попыток как-то поучаствовать в этом процессе, что-то в нем изменить.

Обобщая, переходя от городского, муниципального уровня к федеральному: наша власть – плод прежней системы общественных отношений, она не знает "гражданского давления" на разных уровнях. То, что она имеет сегодня (в шахтерских регионах, но уже не только в них) – во многом расплата за системную ошибку не только финансового, но и "информационного голодания" граждан, сухого информационного пайка, с самого начала оказавшегося свойственным российской власти, отреагировавшей на "разгул гласности" двуединым приемом: закрытием створок собственной раковины и созданием имитационно-информационного, рекламно-имиджевого по сути и задачам механизма информирования. Сегодня объективно тяга к последнему велика, как никогда прежде. Хватит ли ума не поддаваться желанию "выглядеть красиво"? Надежд, объективно говоря, немного. Стратегии информационного сопровождения реформ, настоящей информационной политики (в

экономической и социальной сферах) по–прежнему нет даже на горизонте, вопрос о ней, о ее основах, принципах, инструментарии, ресурсах не ставится.

Политический кризис в этом смысле ничему не учит; максимум, на что хватает сил и интереса, – это оглядка на полосу предстоящих выборов как на самодовлеющую политическую задачу: найти средства и технологии, чтобы полюбили. Логика: что удалось однажды, удастся и во второй раз, были бы средства. Но велика угроза, что не удастся. Стратегический резерв доверия исчерпан практически до дна, не в последнюю очередь благодаря неумению и нежеланию общаться с гражданами. Не став фактом реальной политической жизни, "общественный договор" не стал стратегическим элементом гражданской, национальной, а значит и государственной безопасности.

В этой связи система вопросов:

- Каковы собственно информационные составляющие кризиса в стране, выделяемы ли они?
- Можно ли сказать, что в этих условиях существуют или, точнее, должны существовать и осознанно проводиться в жизнь некие "правила поведения", обязательные для всех властных институтов? Каковы они, если "да"?
- Во что обходится промедление с принятием Закона "О праве на информацию", расширяющего право граждан на запрос информации?
- Чего ждать от наступающей полосы повышенной (чрезвычайной?) политической тектоники (государственная асфиксия в результате требований местных законодательных собраний об отставке Президента, помноженная на аналогичные требования профсоюзов, отказ систем экономического управления в результате забастовок и перекрытий магистралей, провоцирование федеральной исполнительной власти на введение ЧП на территориях и т.д.), в том числе полосы приближения выборов, проявления демонстративной, агрессивной, раскручивающей дестабилизационную волну "федерально–властной аллергии" у рвущихся в ту самую федеральную власть?

Еще вопросы:

- Что может сделать и как должно вести себя в этой ситуации наше слабо структурированное гражданское общество?
- Чего (и какими способами) требовать от СМИ и журналистов, подталкивая их к выполнению функций "открытого информационного канала" гражданского общества во многом в противовес самодостаточной функции "властного партнера" или "надсмотрщика" за властью?

Тут очевидная проблема: социально озабоченная, ощущающая свою силу и ответственность российская пресса стремится разговаривать с властью напрямую, минуя гражданское общество, исключая гражданина из реального диалога, в лучшем случае – имитируя его мнение. Но к тому же стремится и власть, для которой пресса также важнее гражданина и много приятнее (при всех сложностях), ибо с ней разговаривать легче, сохраняя ощущение общественного диалога.

К вопросу об информационной открытости власти.

Крайний драматизм ситуации: публичные заявления власти об "исскомом" в этой области упорно, принципиально не совпадают с ее же практической политикой.

Нет продвижения, есть аттракцион "гигантские шаги" – амплитуда кругового движения с подпрыгиванием и потрескиванием костями при ударе о реальность.

Типичный цикл движений. Президент в Послании 1998 года формулирует практические задачи информационной открытости власти (подскок). Но перед этим подписывает мало кому известный Указ от 24.01.1998 (N61) "О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне", чем вводит сам обновленный Перечень: много более жесткий, чем был утвержден Указом от 30.11.1995 г (N1203). И тут оказывается, что по информационной открытости неизбежна серия ударов, пока без видимого конца. Вместо повышения уровня "прозрачности" – приступ тотального "огостайнивания" всего и вся.

Есть ли продвижение?

Локальное – возможно. Пример – Татарстан, где в доступе к информации хватает проблем, несмотря на статью Конституции РТ (40), согласно которой "государственные органы, общественные объединения и должностные лица обязаны обеспечить гражданину возможность ознакомления с их решениями и иными материалами, затрагивающими его права и законные интересы". (Юристы эту конституционную формулу оценят по достоинству.)

Но тут – пример прорыва: старшим помощником прокурора Республики Татарстан, отвечающим за работу с прессой и общественностью, полгода назад стал юрист местного Центра правовой поддержки реформ, дочерней структуры ФЗГ. Стал не случайно, не "втемную", это был осознанный выбор прокурора Сайфихана Нафиева после совместного семинара республиканской прокуратуры и ФЗГ, посвященного взаимоотношениям журналистов и работников прокуратур.

Как результат – в республиканской прокуратуре открывается новый пласт работы по доступу информации к гражданам, новый стиль информационного обеспечения деятельности прокуратуры: безусловно подчиненный интересам и задачам самой прокуратуры, но лишенный привкуса тотального ведомственного интереса (с учетом профессиональных задач и интересов СМИ и журналистов, с ориентацией на интересы граждан, на защиту их прав).

Сложится ли всерьез? Не обломится ли на пятом месяце под давлением обстоятельств, стереотипов, прикладных политических задач? Время покажет. Но есть как явление и есть как поле возможного мониторинга (в том числе изнутри системы) взаимоотношений власти с гражданами и журналистами.

Этот опыт, к сожалению, редкий и даже редчайший. Власть предпочитает иметь в виде пресс–служб рабочий инструмент в лучшем случае манипулятивный, в худшем – просеивающий и закрывающий информацию от потенциального ее потребителя. Функция в итоге становится дисфункцией, подрывом самой основы совместимости власти с народом.

Власть, потребляющая на свое существование серьезные средства, что–то в процессе их переваривания бормочущая (без разговора на понятном языке с народом, а раз так – не исключено, что во вред ему): тут есть на чем спекулировать парламентской оппозиции. И есть на чем выстраиваться рядом крайней внепарламентской оппозиции, с феноменом которой так называемая "демократическая Россия" еще не сталкивалась, только начинает.

Наш опыт изучения феномена пресс–служб показывает: большинство из них работает уже и в спокойное время по худшему сценарию и алгоритму – идет ли речь об

аккредитации журналистов, о качестве информационного потока, о логике и технологии прямого общения министерства и ведомства, властного органа (от федерального до местного) с народом, с гражданином.

И в заключение еще несколько вопросов:

- Что изменилось после того, как общественность выразила свое неприятие минобороновской директивы Д-21? Была ли она отменена?
- Как понимать ситуацию, когда доступ к официальной информации о состоянии природной среды оказывается сферой, приближаться к которой или опасно, или нецелесообразно, что называется, себе дороже (ситуация "дел" Никитина и Пасько).

Если верна информация о деле Пасько, то появление феномена гостайны "по совокупности" собранных материалов, гостайны не "загрифованной" должным образом, а вслед за тем и феномена обвинений в нарушении такой "псевдогостайны" – явление чрезвычайное, заслуживающее самого пристального анализа и специалистов, и властных структур, и прежде всего – самих граждан.

Возможность превращения любого архива журналиста, любой директивы в его домашнем компьютере или в компьютере редакции в скопище "гостайн по совокупности" – угроза и профессии, и гражданам, и даже общественной безопасности. Журналист, который боится искать и хранить материалы – открытые, праведно добытые – не журналист по определению. Это в лучшем случае источник неточной информации (что запомнил, что вспомнил), в худшем – испорченная, лишенная основной функции, а потому социально небезопасная профильная деталь механизма общественной безопасности: органчик, салонная игрушка, что угодно, но именно не журналист, носитель общественного долга.

Проблема качества общественно значимой информации, добытой журналистом в ходе "журналистского расследования". Мы справедливо воротим нос от многого в этом пласте современной российской журналистики: "попахивает", "слив компромата". Но в условиях информационной закрытости власти, при ее нежелании и неумении очищаться от чиновников коррумпированных, а не просто неумелых и неподготовленных, санитарная функция расследовательской журналистики должна тщательно оберегаться – именно как функция – и обществом, и профессиональным сообществом.

Чиновник должен знать, что требовать запросто так "сатисфакции" от обидевшего его журналиста – себе дороже. (Случай с Минкиным и "Эхом" – и Чубайсом.) Разумеется, что внутри цеха отслеживание профессионального поведения коллеги должно стать при этом нормой.

Проблема и задача в этой части – сохранение доверия общества к журналистам.